

— Эй, Хо-фулан, расскажи-ка тёткам, как вы с даланом сошлись, — тётка, пришедшая помогать на кухне, перехватила Лин Си, который собирался вместе с деревенскими мужиками подняться в гору рубить лес.

— Да-да, я уж который день сгораю от любопытства, — подхватила другая, глаза которой прямо светились жаждой сплетни.

Лин Си вовсе не горел желанием сидеть у очага и обсуждать такое, к тому же обсуждать самого себя. Он отмахнулся, делая вид, что ничего не понимает, кивнул в сторону горы, ловко вывернулся из цепкой хватки тётки и стрелой умчался прочь.

— Тьфу ты, замужний человек, а всё стесняется, — тётка, уперев руки в бока, смотрела ему вслед.

Другая тётка тем временем мыла руки, готовясь месить тесто - закваска требовала времени, надо было начинать заранее. Не поднимая головы, она фыркнула:

— Молодой фулан, что с него взять. Думаешь, все такие же бесстыжие, как ты, старая карга.

— Чжао Даньгуй, это ты сейчас кого старой каргой назвала? — возмутилась первая, делая вид, что собирается схватить подругу за шею.

Тётки захохотали и сцепились, больше играючи, чем всерьёз.

Лин Си настиг остальных, когда те как раз выбрали место и собирались валить деревья.

— Мы тут все здоровые мужики, — первым выступил Хо Чаншэн, двоюродный брат Хо Цзюя, — ты-то сюда зачем?

Хотя Хо Цзюй уже отделился от семьи, всё же они оставались родственниками, и потому Хо Чаншэн не мог не прийти помогать строить дом. Даже Хо Чанъань, неизвестно какими мыслями движимый, явился и теперь издали украдкой разглядывал этого загадочного «невестку».

Лин Си же без тени сомнения ответил:

— Помогать, конечно.

За спиной Хо Чаншэна стояла стайка молодых парней - кто женат, кто холост, но женаты они были или нет, ничуть не мешало им разглядывать красавца. Стоило Лин Си подойти, как все взгляды прилипли к нему намертво.

Услышав его ответ, они дружно расхохотались, не скрывая насмешки:

— Ты, маленький фулан, чем тут можешь помочь? Топор-то поднять сумеешь?

— Подожди немного, мужики разгорячатся, снимут рубахи, ты тогда тут остаться посмеешь?

— Хахаха, а вдруг маленький фулан как раз любит на такое глядеть?

Хо Чаншэн и Хо Чанъань резко помрачнели. Конечно, эти парни языками плетут без узды, но и Лин Си сам хорош - зачем лезть в самую гущу мужиков? Какой порядочный фулан станет так себя вести?

— Ладно, хватит, рты позакрывали! — Хо Чаншэн, как старший, рявкнул, и смех тут же поутих. Он повернулся к Лин Си: — Сам видишь, тебе тут не место. Ты фулан, ступай вниз, помогай тёткам с готовкой, вот и вся твоя работа.

Только после этого Лин Си окончательно понял, что к чему: они, оказывается, принимают его за девку и подтрунивают, словно перед ними не человек, а игрушка для насмешек.

Улыбка мгновенно сошла с его лица.

В прежнем, пост-апокалипсическом мире Лин Си из-за своей «нежной мордашки» тоже сталкивался с грязными подначками, но каждый, кто позволял себе лишнее, в итоге валялся на земле и больше языком не чесал. Он бывал в самых захудалых местах во время заданий: там кишели всякие - и голодные, и злые, и отчаявшиеся; женщины, которым нечего было есть, вынуждены были продавать свои тела, а иногда и мужчины, если выглядели сколь-нибудь привлекательными. Давление, унижение, бесправие - слой за слоем, и даже среди продажных тел существовала своя цепочка презрения.

С таким прошлым терпеть подобное ему было тем более противно.

В этот момент Лин Си ясно почувствовал - это было оскорбление. Лишь потому, что он сейчас числился гером, к нему обращались свысока, словно к существу второго сорта.

Он не стал ввязываться в перебранку. Молча отвернулся и направился чуть поодаль, туда, где мог заняться делом без их болтовни. Затеивать скандал он не собирался: всё-таки эти люди пришли помогать строить его дом.

— Он что вытворяет? Всё не уgomонится... Упрямый, как осёл. У меня дома давно бы стал покладистым, — фыркнул один.

— Помолчи уж. Кто в деревне не знает, что тобой дома твоя баба командует? — прыснул

другой.

— Чаншэн, может, ты глянешь, а? Если что случится, как потом перед Хо-даланом отчитываться?

Хо Чаншэн помрачнел, но всё же покачал головой и отвёл взгляд:

— Не нужно. Хочет работать - пусть работает. Сам обожжётся, сам и поймёт.

А Хо Чанъань всё смотрел вслед Лин Си, колеблясь: не пойти ли за ним? Такая тонкая, хрупкая фигурка - будто дотронься сильнее, и сломается.

Они совсем позабыли, как этот «хрупкий цветочек» пару дней назад одним ударом вышиб дверь у старосты. Обманутые аккуратной, красивой внешностью, они по-прежнему считали Лин Си мягким и беспомощным, словно фарфоровая кукла.

Пока они, перехватывая топоры и шумно сопя, по очереди валили деревья, с другой стороны горы одно за другим раздавались оглушительные «бум! бум! бум!» - такие раскаты, что птицы вспорхнули целыми стаями, а в воздух взметнулись клубы пыли и щепы.

Мужики переглянулись, и никто не решался первым открыть рот.

— Э... э-эт... это... не случилось ли там чего? — робко пробормотал один.

— Может, пойти глянуть? Если он и вправду угодил в беду... как мы потом Хо-далану в глаза посмотрим?

Они беспомощно смотрели друг на друга, пока, в конце концов, Хо Чаншэн не взял на себя ответственность:

— Ладно. Пойдём посмотрим. Как бы он нам ни не нравился, он фулан моего двоюродного брата.

Вооружившись топорами, все гурьбой ринулись на звук. Но, добежав до места, застыли как вкопанные.

Вот это номер. Деревья, которые им впятером пришлось бы рубить бог знает сколько времени, Лин Си в одиночку уложил несколько штук подряд.

— А? — Лин Си поднял голову на шум. В руке у него был отведён назад топор, он как раз собирался нанести очередной удар.

Все уставились на него, разинув рты. Лин Си легко перекинул топор на плечо и с недоумением спросил:

— Вам что-то нужно?

Мужики смотрели то на поваленные деревья, то на юношу, даже не вспотевшего, стоявшего так, будто только что веточку обломил. Их дружный шаг назад был почти синхронным. Не зря, ох не зря Хо-далан выбрал себе такого фулана - сила у него, оказывается, под стать. В деревне, кроме самого Хо-далана, прошедшего войну, пожалуй, никто бы такое не вытянул.

— Э-э... эти деревья... ты сам... только что? — спросили они, всё ещё не веря глазам.

Лин Си спокойно кивнул. Для него здесь не было ничего необычного:

— Да. Если всё, то я продолжу.

И с тем же ровным выражением поднял топор. А те самые задиристые мужики, что недавно подтрунивали над ним, теперь лишь почтительно закивали:

— Продолжай, продолжай...

Лин Си понятия не имел, зачем они вообще приходили, поэтому просто перестал обращать внимание. И вновь занёс топор.

«БУМ! БУМ! БУМ!!!»

По дороге назад мужчины вздрагивали от каждого грохота за спиной. Казалось, будто топор Лин Си обрушился не на дерево, а на их головы.

— Нам тоже надо поднажать!

— Верно, нельзя проиграть какому-то геру!

Солнце поднималось всё выше, жара становилась всё нестерпимее. Мужики работали до седьмого пота, рубахи промокли насквозь. Здесь, в глуши, вокруг ни души — по привычке один за другим они посбрасывали одежду, и вовсе позабыли, что на другой стороне леска трудится молодой гер.

Часть мужчин, устав, уселась отдохнуть, остальные продолжали рубить, ругая палящее солнце. И тут вдали показалась фигура, которая в считанные мгновения подошла вплотную. Пивший воду мужик застыл с распахнутым ртом - вода вытекала мимо губ, а он даже не замечал,

тараща глаза на проходившего мимо юношу.

— Я спускаюсь, - спокойно бросил Лин Си, будто ничего необычного не происходило.

Он легко и непринуждённо прошёл прямо перед раздетыми до пояса мужиками и исчез в чаще.

Повисла мёртвая тишина. Мгновение - и лес огласился воплями, словно там разом взлетели куры и запрыгали собаки.

— А-а-а-а!!! Он... он видел меня голым!!!

— Чёрт, да дело вообще не в том, что он нас голыми увидел! Главный вопрос - как он умудрился ускакать, неся на плечах несколько деревьев?!

— Святое небо... может, стоит всё же показать его травнику? Убедиться, что он не оборотень какой?!

Нормальному человеку такое не под силу - вот так запросто взвалить себе на спину несколько толстенных стволов и помчаться с ними вниз по склону. Это ведь не молодые прутьики, а деревья! Они, взрослые мужики, прожили уже полжизни и подобного ни разу не видели.

Мысль о том, как совсем недавно они насмешливо спрашивали, что «такой маленький фулан» вообще может сделать, вдруг ярко всплыла в голове. Большие взрослые мужики вспыхнули до корней ушей, их общие усилия не стоили и половины того, что один этот гер сделал за раз.

Чжао Даньгуй и Лю Шифэнь вытерли руки о передники, прикидывая, не пора ли звать народ обедать, как вдруг увидели фигуру, спускающуюся с горы, да ещё с несколькими деревьями на плече.

— О милостивые небеса, чей это ребёнок такой сильный! — Чжао Даньгуй выпучила глаза и вскрикнула.

Лю Шифэнь тоже вскочила, чтобы лучше рассмотреть:

— Ай-ай, дожила до старости, видывала тех, кто учёный да сметливый, а вот чтобы с рождения наделен божественной силой, такое вижу впервые!

— Такой бы у нас в деревне родился, свахи бы порог ему давно уже истоптали!

В деревне больше всего ценили крепкие рабочие руки: если мужчина силён, значит, сумеет

прокормить всю семью. И пусть он даже некрасив, многие девушки всё равно с радостью пошли бы за него.

Под двумя полными ожидания взглядами фигура стремительно приблизилась, поставила на землю деревья, поднятые на плече, и тут же взметнула в воздух целое облако пыли.

Лин Си приподнял рукавом пыль с лица, поднял глаза и увидел, как обе тётки, что помогали на кухне, застыли, глаза на него во все глаза.

— У меня что-то на лице? — спросил он, недоумевая, почему они так таращатся.

Это Лин Си?! Да это же Лин Си!

Но Лин Си - гер, маленький фулан! Откуда у него такая нечеловеческая сила?!

Две тётки резко всё поняли. Неудивительно, что когда рассказывали, будто Чжан Баошунь украл у Лин Си рис, муку и мясо, никто не поверил: ведь дело было ночью, и у Баошуня дома были в основном мужчины. Когда те вернулись и поведали женам и фуланам о случившемся, женщины подумали, что мужчины попросту преувеличивают или в темноте всё переврали.

Раньше всем казалось невозможным, чтобы хрупкий гер, не способный курицу связать, и хромой мужчина, опирающийся на костыль, могли достать столько добротных продуктов.

А теперь поверили. При такой-то силе Лин Си, какие уж там трудности - что захочет, то и добудет.

Все только и говорили, что Хо Цзюй бедняга: женился на каком-то непонятном гере с дурной репутацией, да ещё при разделе семьи не получил ни медяка. Кто бы мог подумать, что он привёл в дом золотой самородок. С такими способностями Лин Си в будущем сможет раздобыть всё, что угодно.

Взгляды двух тёток на Лин Си становились всё горячее - они уже решили непременно наладить с ним хорошие отношения. Жаль лишь, что в их семьях не было подходящих по возрасту сыновей: с таким чудным фуланом, окажись он у них дома, вот бы счастье было!

— Нет, что ты, всё в порядке. Устался, небось? Воды попей, — Лю Шифэнь сияющей улыбкой протянула Лин Си чашку.

Линси, увидев, что она зачерпнула воду прямо из бочки, мягко отодвинул протянутую чашку:

— Тетя Лю, я пью только кипячёную воду. Вам тоже стоит так делать - лучше кипятить перед тем, как пить. Иначе легко заработать расстройство желудка, особенно у детей.

Сначала Лю Шифэнь не придавала словам значения, но, услышав конец фразы, ахнула и прикрыла рот ладонью:

— Ой-ой-ой, точно! У моего внука на днях живот прихватило, я перепугалась до смерти, бегом к травнику побежали. А в этом году, весной, в соседней деревне маленький-то умер от болей в животе...

Речь шла о её маленьком внуке, сегодня его мать увезла к своим родителям на пару дней, вот у Лю Шифэнь и появилась возможность прийти помочь.

Чжао Даньгуй, как человек из той же округи, хорошо знала о подобных случаях. В нескольких соседних деревнях почти каждый год случалось, что маленькие дети умирали от «болезни живота», а лекари не могли ничего толком объяснить. Люди всё больше начинали впадать в суеверия: мол, душа у малышек ещё слабая, неустойчивая, к ним легко липнут заблудшие духи; до пяти лет лучше понапрасну их не водить далеко от дома.

Лин Си не мог растолковать им, что в сырой воде полно микробов, бактерий и яиц паразитов, которые, попав в организм, вызывают болезни. Поэтому лишь кратко подвёл итог:

— Если долго пить сырую воду, и взрослые, и дети начинают болеть. А малыши... кхм... их организм куда слабее, чем у взрослых, болезнь на них сказывается сильнее.

У двух тёток лица побелели от испуга. Лин Си поспешил их успокоить:

— Не переживайте, просто вскипятите воду, и всё будет в порядке.

Он хотел было пояснить, что высокая температура убивает заразу, но понял - такие объяснения они всё равно не поймут. Потому и ограничился самым простым.

— О-о, хорошо-хорошо... Лин Си, да ты столько всего знаешь! Такой красивый, небось раньше и грамоте обучался, да? — тётки, растроганные и воодушевлённые, чуть ли не вцепились ему в руки, глядя на него, как на учёного мужа.

Лин Си едва удержался, чтобы не закатить глаза. При чём тут красота и грамота? Если некрасивый, значит, уже и читать не достоин?

Он сглотнул лишние слова и отделался уклончивым:

— Читал чуть-чуть. Немного.

— Ай-ай-ай, я так и знала! Какой молодец, умный гер - редкость! — глаза у обоих горели словно два факела, и под таким взглядом Лин Си почувствовал, как по спине ползёт неловкость.

Он ловко высвободил руку и сменил тему:

— Обед готов? Пойду позову всех спуститься есть.

— Да-да-да, уже можно есть! — Чжао Даньгуй поспешно вытащила из печи пару поленьев: заговорила и чуть не выварила всю воду.

Лин Си бежал навстречу и как раз столкнулся с мужиками, спускавшимися с горы. Он не заметил их смущения и бодро окликнул:

— Тётки уже всё приготовили, идите скорее обедать.

— Хо-ро-шо, хорошо... — мужчины почесали затылки и даже не решились поднять на него глаза.

Проводив их взглядом, Лин Си остановился на мгновение, затем развернулся и направился к дороге у входа в деревню.

Дела, выходит, идут не очень? До сих пор не вернулся.

Он привстал на цыпочки, глядя вдаль, но разбитая, ухабистая дорога терялась за горизонтом. Он подождал четверть часа, пока палящее солнце не начало кружить ему голову, и как раз в этот момент услышал, как тетя Лю громким голосом зовёт его обедать.

Раз уж староста рядом, наверняка всё в порядке.

Он потрогал свой плоский живот - действительно проголодался. И широкими шагами направился к дому.

Если бы Лин Си хотел строить дом в деревне Линшуй, за участок под застройку приходилось платить, причём немало. Даже за тот, что они выбрали, хоть он и находился в глуши, требовали четыре лян серебра. Если бы участок находился в хорошем месте, цена поднялась бы как минимум вдвое.

Так что Лин Си полностью воспользовался тем, что Хо Цзюй - уроженец этой деревни, и благодаря этому получил участок бесплатно. Если всё сегодня пройдёт гладко, на имя Хо Цзюя ещё и запишут пять му земли.

Лин Си уже бывал на полях и заметил: здесь одна му заметно меньше современной. Урожая с такой площади едва хватает, чтобы прокормить одного человека. А если земля истощится, то и пяти му будет недостаточно, чтобы насытить один рот.

Если им предстоит жить как обычным земледельцам, придётся докупать поля. Стоило только услышать цену на землю, как Лин Си мгновенно прижал кошель ближе к себе. Зарабатывать деньги - вот что сейчас важнее всего!

Один му хорошей земли стоит как минимум пять-шесть лян серебра. Если бы не то, что последние годы Дашэн непрестанно воюет и государство всеми силами поощряет земледелие, простому народу и мечтать бы было нечего о таком участке. В мирные же времена земля почти полностью сосредоточена в руках знати: беднякам остаётся лишь становиться арендаторами. Урожая, что им перепадало, едва хватало на прокорм, да и то только впроголодь, а в остальное время они должны были вкалывать на господ, словно вьючные животные.

Лин Си хотел выращивать зерно, но купить землю он не мог, значит оставалось два пути.

Первый - родить ребёнка. По законам Дашэна женщине полагается два му земли, геру - три, мужчине - пять.

Но Лин Си - ложный гер, он физически не способен произвести потомство.

Второй путь - осваивать целину. Из-за многолетних войн народ скитался, множество полей забросили. Теперь, когда война стихла, двор поощряет распашку пустошей, освобождая первых поселенцев от налогов на год.

Но боевые действия сюда, в Линшуй, не дошли. Пустоши здесь - это крохи, оставшиеся ещё со времён тех, кто некогда бежал сюда от голода и начал распахивать землю. Осваивать уже практически нечего, простора для деятельности мало.

Услышав это, Лин Си только трагично запрокинул голову к небу: его мечта умерла, не успев родиться. Что ж, остаётся честно зарабатывать деньги. Земля рано или поздно появится!

Все, кто пришёл помогать, делали это исключительно ради уважения к старосте. Всем прекрасно известно: Хо Цзюй после раздела семьи ушёл ни с чем. Да, он вернул себе свои пятнадцать лян, но ему ещё и дом строить, и ногу лечить, и семью кормить. Один лян ему приходится растягивать на два. Какие уж тут угощения? Если он не накормит их травяным супом - уже спасибо.

Они и думать не смели, что у Хо Цзюя на обед будет что-то стоящее. Но стоило им уловить тянущийся от очага мясной аромат, как глаза у всех разом засветились зелёным - там действительно было мясо!

Дом ещё даже не начали строить, поэтому Лин Си соорудил прямо на пустыре у участка простой временный очаг, провёл из бамбука водопровод и спустил с горного источника воду - и для готовки, и для мытья овощей.

Он сам ничего не сказал, а две тётки решили, что все это организовал Хо Цзюй, и наперебой хвалили его: мол, и работающий, и сообразительный, «хорошего мужа себе взял». Объяснять Лин Си передумал, пусть будет так, считай, что хвалят его.

— Тетя Даньгуй, тетя Лю! — донёлся с тропинки оклик. — Я чую мясо! Правда мясо есть?

Лю Шифэнь отмахнулась, улыбаясь:

— Гляди-ка, нюх у тебя как у собаки. Есть мясо. Крольчатина.

Мужики дружно сглотнули. Дома они порой по десять-пятнадцать дней мяса не видят, а тут пришли помочь строить дом, и их кормят крольчатинной. Прямо как пирог с неба свалился.

— Вот уж Хо-далана семья щедрая! Не пожалели нам мясо поставить!

- Вот именно, я уж думала, что нам достанется одна крапивная похлёбка.

- Хо-далан и его супруг умеют вести дела. Отныне если кто посмеет сказать о них хоть слово поперёк, я первой не стерплю!

Хо Чаншэн и Хо Чанъань слушали, как вокруг гудят голоса, и лица у обоих становились всё более странными - смесь смущения, неловкости и какого-то невнятного осадка.

Мужики деревенские едят просто: никакие столы не нужны - схватили по большой чашке да присели на корточки; и тут же начали уплетать за обе щёки. Во рту один лишь жирный, густой мясной аромат, который кружил голову от удовольствия, так что в округе раздавалось только довольное мычание:

- Мм-м! Вкусно!

- Ох, жирок-то какой!

Не до разговоров.

Вдруг кто-то, проглатывая слишком поспешно, закашлялся, забил себя кулаком в грудь. Сосед живо сунул ему в руки чашку с прохладным зелёным бобовым отваром. Тот сделал несколько больших глотков и словно ожил.

Лепёшка из смешанной муки вприкуску с сочным кроличьим жиром... да ещё и кусочек мяса каждому перепал, хоть и немного. Но мясо есть мясо, да ещё настоящее, кроличье: одного его запаха достаточно, чтобы умять лишнюю миску лепёшек. А свежая зелень, обычная

деревенская трава, в такую минуту совсем не казалась простой: смешиваясь с мясным соком, она шла впрок - хрустящая, прохладная, снимающая жирность, и на вкус была удивительно хороша.

Лин Си пришёл позже всех, когда народ уже почти доел. Тётка Даньгуй поспешно позвала его:

— Остальные, стоит только крикнуть «обед», бегут быстрее кроликов, а ты чего всё наружу носишься?

— Ходил к деревенской дороге посмотреть, вернулись ли брат Хо с деревенским старостой, — спокойно ответил Лин Си.

Чжао Даньгуй и Лю Шуфэнь переглянулись, и в голосах у обеих зазвучали насмешливые нотки:

— Ну да, ну да, молодожёны и есть молодожёны... Только утро прошло, а вы уже и минуты друг без друга не можете.

Они-то думали, что щёки у маленького фулана вспыхнут, смущение накроет... А Лин Си лишь моргнул своими красивыми, слегка приподнятыми глазами-фениксами - чистыми, невинными, без тени понимания подтекста.

Тётки сами смутились и переглянулись, понизив голос до шёпота:

— Гляди-ка, и правда как несмышлёныш. Похоже, ещё и не было у них супружеской ночи.

— Мне тоже так думается... Такой красавчик рядом, а Хо-далан всё так же честный да стеснительный.

Они-то думали, что шепчут едва слышно, но где там - при слухе Лин Си их перешёптывание, как гром среди ясного неба. Он, однако, и бровью не повёл, спокойно ел лепёшку из смешанной муки и невольно отметил про себя: до тех, что делал брат Хо, по вкусу не дотягивает.

Он не нарочно прикидывался наивным, он действительно не знал, как реагировать на болтовню тёток. В конце концов, они с братом Хо вовсе не настоящая супружеская пара. А раз можно сделать вид, что ничего не понял, зачем тратить силы на объяснения?

Точно так же он уж ни за что бы не признался им, что «супружескую ночь» они проводили ровно четыре дня подряд, после чего второму участнику этих событий доктор предписал три месяца строгого воздержания.

После обеда, когда солнце палило без пощады, все попрятались в лесок, переждать жару,

решив продолжить работу, когда спадёт зной.

Двор Хо-далана и Лин Си был ближе всех к въезду в деревню, и стоило Лин Си краем глаза заметить, как со стороны большой дороги к селу медленно катится воловья повозка, он вскочил, будто карп, и стремительно сорвался с места, стрелой летя навстречу.

— Ого, как же он быстро бегаёт! — мужики вытаращили глаза.

Лин Си подскочил к воловьяй повозке, но увидел там лишь старосту, Хо Цзюя нигде не было.

— Дядя-староста, а где брат Хо?

Староста был весь в поту; он поднял рукав, вытер лоб и, тяжело посерьёзнев, ответил:

— Он в уезде остался.

Лин Си, глядя на его выражение, почувствовал, как у него похолодело под ложечкой:

— С братом Хо что-то случилось?

— Нет, нет! Не с ним! — староста замотал головой и руками, боясь, что Лин Си поймёт неправильно.

Староста погнал воловью повозку дальше к винокурне. На крыльчке сидела пожилая женщина и штопала старую одежду.

— Староста, за вином приехал? — радостно спросила она.

— Не за вином, — ответил он, спрыгивая с повозки.

Улыбка исчезла с лица старухи и, потеряв всю бодрость, она снова опустилась на своё место.

— Твой Люй Чжи в уезде едва под повозку не попал! — староста, видя её унылый вид, сразу рассердился и повысил голос.

— Чего!? — старуха подпрыгнула, лицо в один миг побелело. Она вцепилась в старосту, надрываясь криком: — А мой внук? Что с моим внуком!?

Староста протиснулся сквозь толпу раньше Хо Цзюя. Недоброе предчувствие обернулось явью: в лужице крови лежал Люй Чжи. Рядом толпились люди, а немного поодаль стояла конная

повозка. Возница, бледный как смерть, запинаясь, бормотал:

— Я... я его не сбивал, правда! Он сам... сам упал!

И это было чистой правдой - повозка лишь пронеслась мимо, а Люй Чжи, перепуганный до полусмерти, отшатнулся назад, оступился на ступеньке и рухнул, да так, что от испуга и боли у него пошла кровь.

— Что за шум!? — разнёсся наглый, властный голос, едва только приподнялась занавеска экипажа.

Внутри сидел молодой мужчина лет двадцати с небольшим при полном блеске, в расшитых одеждах. Он лениво опустил глаза, заметил Люй Чжи, лежащего в крови, и брезгливо поднял рукав, чтобы закрыть нос и рот.

— Тьфу ты, мерзость какая. Что вы тут стоите? Убирайтесь отсюда живо!

Он снова откинулся на сиденье и со злостью швырнул занавеску вниз.

Кучер стоял ни жив ни мёртв, не зная, что ему делать: вокруг толпились люди, никто не расступался, а значит тронуться с места он никак не мог.

— М-мы... мы не можем уехать, — робко пробормотал он в сторону экипажа. — Гм... молодой господин, они... они дорогу преградили.

— Сброд нищенский, — лениво, с презрением донёсся голос изнутри. — Денег им, видишь ли, хочется.

Из окна полетело несколько серебряных слитков, звонко покатались по мостовой и остановились рядом с лежащим Люй Чжи.

Толпа загудела. Кто-то кричал, что тот бессовестный и не дорожит чужой жизнью, кто-то обзывал последними словами, но это не мешало половине присутствующих ринуться подбирать серебро. Если бы Хо Цзюй и староста не подспели вовремя и не помогли нескольким неравнодушным людям оттащить Люй Чжи в сторону, того бы попросту затоптала взбесившаяся толпа.

Несколько добрых мужиков подняли пострадавшего и отнесли в клинику. Хо Цзюй, с его больной ногой, остался сторожить, а староста погнал повозку обратно в деревню звать родных Люй Чжи. Перед самым уходом он услышал, как лекарь, тяжело вздохнув, говорит: ребёнка, скорее всего, не спасти; теперь главная задача - уберечь жизнь и здоровье самого Люй Чжи.

Староста не мог дать точного ответа, лишь сжал губы и после короткой паузы произнёс:

— Дела... не очень.

У старухи Цао будто вырвали все силы: она рухнула на колени, несколько мгновений тупо смотрела перед собой, а потом разразилась душераздирающим воем:

— Ох, горе-то какое! Мой старший вну-у-ук! Как же так, мой хороший внучок, за что же это! Люй Чжи, этот никчёмный, дитя-то не сберёт! Как он теперь взглянет в лицо предкам рода Цао, а?!

Лин Си от этих слов лишь поморщился. Не о пострадавшем она печётся, не о его жизни трясётся, а обвиняет беременного фулана. Разве не тот хлыщ в шелках должен был ответ держать? Удивительная, прямо-таки чудовищная логика.

— Ещё не установлено наверняка, — поспешно пояснил староста. — Лекарь только сказал, что дела плохи, но не факт, что ребёнка уже нет. Собирайтесь, скорее кого-нибудь со мной в уезд, если опоздаем, ворота закроют!

— Не факт? — всхлип старухи мгновенно оборвался; она смахнула слёзы рукавом, поднялась и, шаркая по полу, закричала в дом: — Старик! Старик, живо иди, посмотри, что там с нашим внуком!

В ту же минуту изнутри раздался новый приступ воплей - плач, стоны, причитания. Лишь спустя долгое время наружу вышел тощий сухонький старик, сжимая в руке тряпичный мешочек. Старуха Цао тут же прильнула к его уху, что-то торопливо зашептала, при этом не сводя настороженного, почти вороватого взгляда с деревенского старосты и Лин Си.

Староста, разумеется, ничего не расслышал, а вот Линси услышал каждое слово.

Она говорила:

- Если лекарь скажет, что дитя ещё можно спасти, тогда лечи. А если нет, если спасти не удастся, купи ему какие-нибудь дешёвые лекарства, лишь бы дотащить его обратно. Гер, что даже собственного ребёнка сохранить не может, какое у него право тратить хорошие снадобья?

Старик серьёзно кивнул, выражая полное согласие с женой.

Жестокая, до костей отравленная пара.

Взгляд Лин Си постепенно потемнел, холодея, словно покрываясь льдом. Он повернулся к старосте и спокойно, но очень твёрдо сказал:

— Дядя-староста, я пойду за братом Хо.

<http://bllate.org/book/13580/1204869>